

Вероника Стужина

Когда
рушится
все

Вероника Стужина

Когда рушится все

<https://litres.ru/74212279>

Аннотация

В один день Вика теряет главное — доверие к человеку, с которым прожила полжизни. Случайно увиденное в гостиничном номере становится точкой невозврата и рушит все, что казалось надежным.

Пытаясь сохранить спокойствие ради детей и удержать контроль ради себя, Вика понимает: прежняя жизнь не вернется. Теперь ей предстоит путь женщины, впервые решившей услышать себя.

Между болью, попытками понять случившееся и желанием вернуть утраченное она ищет ответ на главный вопрос: что важнее — брак или она сама?

Надеюсь книга вам понравится!

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	27
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	37
ГЛАВА ПЯТАЯ	47
ГЛАВА ШЕСТАЯ	57
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Утро Вики началось с пролитого молока и непарных носков, и дальше стало только хуже.

— Мам! Это сегодня сдавать, а я нигде найти не могу! — в голосе Льва слышалась паника, пока он лихорадочно перебирал стопку бумаг на столе.
— Все хорошо, солнышко, успокойся, — ответила она, по-матерински взъерошив ему волосы. — Сейчас найдем. Ты в рюкзаке посмотрел?
— Да! Его там нет! — простонал он, и на его маленьком личике застыла смесь досады и беспокойства.

Ее трех летняя дочь София закатила истерику из-за фиолетовой кофточки, без которой не могла жить, а семилетний сын Лев в панике искал свой доклад по окружающему миру, который умудрился потерять за одну ночь. Кухня представляла собой хаос из недоеденных завтраков и наспех набросанных напоминалок.
Вика пыталась утешить Софию, одновременно пробегаясь глазами по столу в поисках Левиной работы. Мысли уже бежали вперед, Вика перебирала десяток дел, которые нужно было успеть сделать до полудня. Она чувствовала, как тяжесть наступающего дня ложится на ее плечи, становясь с каждой минутой все невыносимее.

Она взглянула на часы и почувствовала, как участился пульс. До прихода вызванного ко времени такси оставалось десять минут, а она даже не успела помочь Льву обуться.

Из другой комнаты донесся новый душераздирающий вопль Софии, она сжимала крошечные кулачки в протесте, пока Вика пыталась уговорить ее надеть куртку.

— Ладно, ладно, радость моя, еще две минуточки, — тихо приговаривала она, похлопывая Софию по спинке, в то время как одной рукой пыталась управиться с Левиными листками и телефоном, который завибрировал от сообщений мужа. Он задерживался на работе, и Вике пришлось перекраивать свое расписание на день — что-то насчет встречи с клиентом.

Она быстро пробежалась глазами по его сообщениям, чувствуя раздражение, тут же сменявшееся привычной покорностью. В последнее время так было всегда; его работа стала неприкосновенным приоритетом, а все внезапные изменения в графике ложились на ее плечи.

Вика помнила себя молодой и полной жизни, той, что слишком громко смеялась и пускалась в пляс, не задумываясь, но сейчас ее не отпускала навязчивая мысль, что она как будто выцвела, стала уставшей, бледной тенью той искорки, что была в ней раньше.

«Деловые встречи, Вик. Ты справишься с тем, чтобы забрать детей и приготовить ужин? Задержусь немного», — гласило письмо Марка.
Она ответила коротко: «Конечно, без проблем», хотя на самом деле проблем была куча. Приготовить ужин, забрать детей, помочь с уроками — все это добавлялось в ее и без того длинный список дел.

Приехало такси. Лев рванул к двери, доклад волшебным образом нашелся в кармане куртки.

— Нашел! — крикнул он на бегу, и она лишь успела помахать ему рукой, пока он выскакивал за дверь.

Вика глубоко вздохнула и перевела внимание на Софию, которая, к счастью, успокоилась и теперь прильнула к ее груди, посасывая пальчик. На мгновение она прижала к себе дочь, и успокаивающая тяжесть ее маленького тельца вернула ее к реальности, хоть и ненадолго.

Когда у них только появились дети, она рассчитывала, что Марк будет делить с ней нагрузку, будет рядом при каждой разбитой коленке, на каждом школьном концерте. И поначалу так и было. Но где-то по пути его график становился все жестче, сообщения — все короче, а поздние вечера и ранние утра в офисе — все чаще. Она не соглашалась на роль мамы-одиночки, но именно так она себя и чувствовала почти каждый день.

Вика с легкой тоской вспоминала те ленивые утра в свои двадцать с небольшим, когда похмелье означало валяться на диване, закутавшись в плед, с телевизором и пачкой чипсов. Теперь же, когда двое малышей тянули ее к себе с первыми лучами солнца, возможность просто прийти в себя с утра — не говоря уж о той былой свободе — казалась недостижимой роскошью, чем-то из другой жизни.

С вздохом она пересаживала Софию на бедро, схватила свою чашку с кофе — он еще не успел остыть, но был отчаянно

необходим для выживания. Телефон завибрировал снова — на этот раз письмо с работы, которое нужно было прочитать до совещания.

Вика покачала головой, сама себе не веря — мало того, что она ностальгировала, так еще и по похмелью, будто валяние на диване с туманом в голове и раскалывающейся головной болью было каким-то особым шиком.

Было всего полдевятого, а Вика уже чувствовала, как ее планы на день рушатся под натиском новых требований. Она глубоко вздохнула, расправила плечи и с новым решительным настроением окунулась в утреннюю суматоху.

Вика хотела всего и сразу — и семью, и карьеру, — а почему бы и нет?
Что могло ее остановить?

Марк не успел к ужину, но вернулся домой как раз к тому моменту, когда детей нужно было укладывать. Когда он вышел из их комнат и его лицо смягчилось в мягком свете ночника в прихожей, Вика почувствовала внезапный приступ влечения — такой острый, что у нее перехватило дыхание.

Столько лет вместе, а его походка, его привычный запах, нежность во взгляде, когда он повернулся к ней, — все это по-прежнему заставляло ее сердце трепетать.

Тело Марка за эти годы стало мягче, обретая солидную, успокаивающую силу, которая притягивала Вику даже сильнее, чем раньше. Его грудь и плечи по-прежнему хранили

отголоски былой силы, но теперь в них появилась некая мягкая полнота, которая делала его еще более настоящим, более земным.

Его руки, все такие же крепкие, стали чуть мягче, а живот, уже не такой упругий, каким был в первые годы их совместной жизни, имел легкую округлость, которая ему удивительно шла, свидетельствуя об их совместно прожитой жизни. Когда он двинулся к ней, Вика почувствовала, как по ней разливается тепло, и вновь оценила знакомые изгибы и линии его тела. Это было тело, сформированное годами родительства, бессонными ночами, ранними подъемами, теплыми семейными ужинами.

Он был просто Марком — ее мужем, ее партнером, — и почему-то именно эта его версия, смягченная жизнью и любовью, была для нее привлекательнее любого идеала.

Его волосы были взъерошены после долгого дня, непослушные, они ловили свет, отливая серебром у висков — эти сединки стали появляться в последние пару лет. Она всегда находила их очаровательными — элегантным, зрелым штрихом к его внешности.

Линия его челюсти, в последнее время слишком часто поджатая от скрытого напряжения, сейчас смягчилась, и на щеках виднелась легкая щетина, что лишь добавляло ему той непринужденной уверенности, которую он носил в себе, сам того не замечая.

Но больше всего ее, как всегда, пленили его глаза — тем-

ные и добрые. В них была теплота, которая могла мгновенно успокоить Вику.

В этом мягком свете он смотрел на нее, его взгляд был нежным, он поймал ее глаза, и его губы тронула та самая легкая улыбка, которую она обожала. В тишине, в полумраке прихожей, она подумала о том, как им повезло, что эта жизнь, эта любовь — все, о чем она мечтала.

Марк задержал на ней взгляд, его улыбка была мягкой, словно он разделял то же тихое чувство благодарности, что было в ней. Затем, нежно сжав ее руку, он повернулся и спустился вниз. Спустя мгновение Вика услышала приглушенный гул телевизора, доносившийся снизу, — успокаивающий, привычный звук, окруживший ее, словно теплое одеяло.

Она скучала по нему. Вике не хватало той легкой близости, что была между ними раньше, до того как все превратилось в сплошное расписание и обязательства. Сегодняшним вечером ей хотелось напомнить ему и себе о том, кем они были раньше. Решение укоренилось в ней, подталкивая к шагу, который чувствовался и волнительным, и уязвимым.

Она зашла в ванную, умылась прохладной водой и мельком взглянула на свое отражение в зеркале. Провела пальцами по волосам, приглаживая их, и нанесла немного духов на запястья. В шкафу она нашла шелковую ночнушку, которую не надевала сто лет, ее ткань была мягкой и элегантной. Она надела ее, чувствуя нервную дрожь, пока поправ-

ляля бретельки.

Прошло много времени с тех пор, как она делала что-то подобное. Дети, рутина, долгие дни работы и бесконечный список семейных дел — она позволила этой части себя угаснуть. Она хотела напомнить им обоим, что она все еще может быть той женщиной, в которую он влюбился много лет назад, той, на которую он всегда оборачивался, когда она входила в комнату.

Вика не сильно изменилась. Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, стряхнув нервное напряжение и напомнила себе, что это ее муж, человек, которого она знала лучше всех на свете. Человек, который смотрел на нее с тем самым знакомым огоньком тысячу раз.

Тело Вики за эти годы тоже стало мягче, округлились те места, где раньше были резкие линии. Талия была уже не так очерчена, а бедра стали полнее, но в большинстве дней ей даже нравились эти изменения.

Она провела ладонями по бедрам, в последний раз окинув себя взглядом. В ее теле теперь была сила и стойкость, тихое свидетельство жизни, которую они построили вместе, но в такие моменты она не могла не чувствовать себя уязвимой, задаваясь вопросом: видит ли он ее по-прежнему.

Когда она вошла в гостиную, то увидела Марка, сидящего на диване с ослабленным галстуком и взглядом, прикованным к экрану.
 — Привет, — тихо сказала она.

Марк поднял на нее глаза и широко распахнул их от удив-

ления когда он разглядел ее. На мгновение в его взгляде промелькнуло нечто, напомнившее ей первые дни — то, как он смотрел на нее тогда, когда были только они вдвоем, без детей, без лишних забот.
— Ты выглядишь... потрясающе, — тихо проговорил он, и его низкий, полный восхищения голос заставил ее сердце воспрянуть, а страхи растаять. Она двинулась к нему, ее шаги были медленными и уверенными, и когда она подошла, он обнял ее за талию, притянул к себе, не отрывая от нее глаз.

— Я скучаю по нам, — прошептала она, удивляясь собственному признанию. — Мне не хватает нас.

Марк вздохнул, обнял ее крепче и притянул к себе.
— Да... я тоже. Просто... в последнее время столько всего из-за работы и прочих дел.
— Я знаю, — ответила она, нежно поглаживая его руку. — Знаю, что ты занят. Я просто... не хочу, чтобы мы потеряли друг друга во всем этом.
Он посмотрел на нее, и его выражение лица смягчилось:

— Не потеряем, — тихо проговорил он, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в лоб, затем провести губами по щеке и, наконец, коснуться ее губ.

Когда руки Марка обняли ее, притягивая ближе, Вика позволила себе расслабиться в его объятиях. Его прикосновения были теплыми, уверенными, до боли знакомыми, от чего ее сердце наполнялось нежностью. Он смотрел на нее с той мягкостью, которую она узнавала, его взгляд скользил

по ней, словно он хотел запомнить каждую деталь. Не было ни колебаний, ни дистанции, только он и она, и связь между ними, ощущавшаяся глубже любых слов.

Он наклонился, отстранил прядь волос с ее лица и прикоснулся губами к ее губам — медленно и нежно. Она почувствовала, как по ней пробежала дрожь, и все сомнения, которые она лелеяла, растаяли под его прикосновением. Поцелуй стал глубже, и она чувствовала, как напряжение в его теле отражает ее собственное — тихую срочность, давно ждавшую своего часа.

Его близость вызвала у нее под кожей легкий трепет, электрический разряд от привычного тепла его груди у ее плеч.

Она глубоко вдохнула, ее захлестнул его запах. Вика позволила себе растаять в нем, чувствуя себя одновременно защищенной и живой, удерживаемой и желанной.

Их любовь была тихим ритмом, интимным так, как мимолетные связи никогда не смогут быть.

Не было ничего скучного в том, как они двигались вместе, каждое прикосновение и каждый поцелуй были укоренены в знании друг друга.

Они понимали потребности друг друга без слов, каждое движение было напоминанием о бесчисленных ночах, проведенных вместе, о доверии, которое они выстроили о совместных моментах, выходивших далеко за рамки физического.

Это было так далеко от поверхностного азарта мимолетных интрижек; здесь же была устойчивая интенсивность,

чувство, что тебя видят и лелеют, что наполняло каждое прикосновение смыслом. Эта близость, сотканная из лет любви и преданности, была чем-то более богатым и волнующим, чем что-либо мимолетное.

Марк склонился над ней. — Дыши со мной, — тихо прошептал он, его голос был низким и успокаивающим.
Вика глубоко вдохнула, чувствуя, как его грудь поднимается и опускается в унисон с ней. — Так хорошо, — прошептала она, закрыв глаза, в то время как его член, настойчивый и твердый, двигался внутри нее.
— Да? — спросил он, его голос стал немного хриплым, он наклонился, чтобы мягко поцеловать ее, что так контрастировало с настоятельностью, с которой их тела двигались. — Ты прекрасна, Вик.

— Марк, пожалуйста, не останавливайся. Прошу. — Она обвила его бедро одной ногой.
Ей казалось, что она разлетается на осколки, и ее единственной связью с миром были точки прикосновения. Одна из его ладоней скользнула вниз по ее телу, теплая и многообещающая. Он знал, как к ней прикасаться, он знал ее тело, ее тело принадлежало ему.

Он наклонился вперед, снова коснулся ее губ, неровно и надолго задерживаясь. Это было грубо и неидеально.

— Я люблю тебя, — выдохнул он, его бедра двигались быстрее. Его палец работал над ее клитором в такт, и Вика почувствовала, как ее собственное тело сжимается.

— Ты идеальна... — Он терял себя в своих толчках, и

ей казалось, что Марк даже не отдает себе отчета в словах, которые говорит ей.

Вика обхватила тело Марка и притянула его крепче к себе, обожая ощущение его теплой груди на своей, его бедер между ее ног, и его члена, неумолимо движущегося внутри, пока с тихим стоном он тоже не кончил.

В тихие мгновения, что последовали за этим, спутанные простыней и конечностями, она почувствовала глубокое чувство принадлежности. Она лежала, прижавшись к нему, положив голову на его грудь, слушая ровный стук его сердца, и ощущала, как сила их связи окутывает их. Его рука перебирала ее волосы, другая обнимала ее, прижимая к себе так, что это чувствовалось и как защита, и как интимная близость.

Вика закрыла глаза, позволяя себе насладиться утешением и любовью этого момента. Тепло его кожи, ровный подъем и опускание его груди — все это убеждало ее, что то, что они делили, было так же реально и живо, как и всегда. Она чувствовала себя обожаемой и полностью его.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Несмотря на хаос, что встретил ее на кухне с порога — Лев с пеной у рта доказывал, что рюкзак «потерян навсегда», а София с радостным хохотом опрокинула тарелку с кашей, — Вика поймала себя на улыбке. Она давно не чувствовала себя так легко.

Напевая под нос, она налила себе чашечку кофе. София потянулась за своей ложкой, устроив королевский бардак, но старалась изо всех сил. Вика оглянулась через плечо, ожидая увидеть улыбающегося Марка, заряженного ее редкой беззаботной энергией, но он стоял у кухонного гарнитура, уткнувшись в телефон, с нахмуренным лбом.

Вика поставила тарелку на стол и с игривой улыбкой повернулась к нему.
— Проголодался? Я так и думала, что у тебя сегодня будет зверский аппетит.
Она улыбнулась ему, но он только мельком глянул на нее и снова уткнулся в телефон.

— Мм? А... да, прости. Просто кое-что... по работе, — произнес он так, что это звучало как отговорка.

Лев дернул ее за рукав, торжествующе размахивая рюкзаком, у которого одна лямка перекрутилась.
— Нашел, мам! Починишь?

— Конечно, родной!

Она присела распутать лямку и снова взглянула на Мар-

ка: он все так же не отрывался от телефона, пальцы быстро стучали по экрану.

Вика выпрямилась, чувствуя, как ее хорошее настроение начинает таять.
 — Марк, не поможешь Левушке с завтраком? — попыталась она сказать легко, надеясь, что он почувствует мягкий намек в ее тоне.

Марк поднял взгляд. Ответил ей странной, сжатой улыбкой, подошел к холодильнику и достал бутерброд, который она сделала с вечера.

— Все нормально? — тихо спросила она, приблизившись и опустив голос, чтобы дети не услышали.

Он кивнул быстро, слишком быстро.
 — Да, да. Просто работы накопилось.
 Он мельком встретился с ней глазами, а потом взгляд его снова ускользнул.

Что-то мелькнуло в его лице — она не поняла что, но сердце кольнуло. Еще вчера вечером ничего такого не было.

София с победным кличем подняла свою липкую ложку от хлопьев, и Вика повернулась к ней со смехом, давая Марку еще один шанс прийти в себя. Она надеялась, что это просто тяжесть наступившей недели так на него давит. Может, он более измотан, чем показывает, и это его способ справляться.

Вика сидела в кабинете начальника, и сердце ее бешено колотилось от волнения, пока тот описывал детали новой должности. Повышение.

— Итак, — продолжил начальник с теплой улыбкой, —

мы были бы рады, если вы рассмотрите это предложение. Разумеется, ответственности прибавится, но и возможностей тоже. Потребуются небольшие командировки — с одним ночным выездом раз в две недели. Но мы уверены, что вы — идеальный кандидат.

Вика кивала, едва слыша слова. Ночные поездки, конечно, пугали, но она понимала, что справится. Внутри нее распирала гордость — это было признание. Не ее как мамы или жены, а ее самой, Вики, которая много работает и у которой есть настоящие амбиции. Ощущение собственной значимости наполняло грудь теплым светом

— Вика? — голос Эдуарда вернул ее к реальности. — Как вам это?

— Звучит потрясающе. Правда, — Вика просияла. — Это большая честь.

Он наклонился вперед, довольный.
— Я знал, что вы подходите. Подумайте, если нужно, но мы хотели бы объявить о назначении на следующей неделе.

Возвращаясь к своему столу, она начала обдумывать практические детали. Ночные командировки раз в две недели. В сущности, это ерунда — но в ее нынешней жизни даже одна ночь требовала тщательного планирования. Марк был замечательным отцом, дети его обожали, но это не он занимался домашними заданиями, купанием, готовкой и укладыванием спать. Это была ее зона ответственности. Он появлялся для сказок на ночь и походов в зоопарк по выходным,

а ей доставалась невидимая ежедневная рутина.

Вика села за стол, рассматривая в телефоне утреннее фото — София с лицом, измазанным кашей, и Лев рядом с ней, строящий смешную рожицу. Они были ее миром, и она знала, что готова на все ради них. Но в этот момент ею также овладело мощное желание сделать что-то для себя, вырваться из рутины и доказать, на что она способна за стенами дома.

Оставался еще Марк. Повышение изменило бы не только ее жизнь, но и добавило бы ответственности ему. Сможет ли он с этим справиться? Поймет ли он вообще, почему для нее это так важно?

Ее охватило раздражение при мысли, что будь их роли противоположными, Марку даже не пришлось бы задумываться — он бы просто согласился.

Сделав вдох, она взяла телефон и перезвонила начальнику, стараясь говорить собранно и уверенно.

— Алло, это Вика. Я хотела сказать... я очень заинтересована. Это невероятная возможность, и я думаю, что готова к ней, — произнесла она, чувствуя, как сердце колотится в груди. — Мне нужно обсудить это с семьей, но можете рассчитывать на мой энтузиазм.

Она положила трубку и взглянула на свое отражение в мониторе. Впервые за долгое время она увидела ту версию себя, которую помнила еще до замужества, — женщину с амбициями, с мечтами, простирающимися далеко за стены ее

дома.

Ева, ее молодая коллега, с интересом выглянула из-за монитора: — Я не ослышалась? Вас повышают? — спросила она полусшепотом, явно впечатленная.

Вика улыбнулась и кивнула. Ева придвинулась ближе, буквально светясь от радости за нее. — Вика, это фантастика! Вы действительно этого заслуживаете — вы у нас эталон, — сияя, сказала она. — Не знаю, как вам удастся все совмещать. Семья, работа... все. Надеюсь, когда-нибудь и я так научусь.

Сердце Вики дрогнуло от неожиданного тепла. Ей было приятно — по-настоящему, до слез приятно — слышать это от Евы. Приятно, что кто-то смотрит на нее не как на женщину с разбитой личной жизнью, не как на объект жалости или пересудов, а как на профессионала, как на человека, у которого есть чему поучиться. В последние месяцы она так привыкла к роли «пострадавшей стороны», что почти забыла: она еще и Вика — та самая, которая умеет делать свою работу блестяще, которая когда-то строила амбициозные планы и верила, что сможет свернуть горы.

Но следом, как всегда, подкралось сомнение.

А имеет ли она право кого-то учить? Она, которая только-только начала собирать себя по кусочкам? Она, чья жизнь до сих пор напоминает минное поле — никогда не знаешь, где рванет в следующий раз: на работе, дома, в разговоре с детьми или в три часа ночи, когда память подкидывает оче-

редное болезненное воспоминание?

Вика посмотрела на Еву — молодую, воодушевленную, с горящими глазами, — и увидела в ней себя. Лет десять назад. Ту себя, которая тоже искала наставников, примеры для подражания, хотела равняться на тех, кто «уже добился». Ту себя, которая верила, что если очень стараться и делать все правильно, то жизнь сложится — ровно и красиво, как в учебнике по личностному росту.

Она улыбнулась Еве — немного растерянно, но благодарно. А в голове уже роились вопросы, на которые у нее не было готовых ответов. Сможет ли она быть для кого-то опорой, если сама до сих пор ищет точку равновесия? Не обманет ли ожидания этой девочки, которая смотрит на нее с таким доверием? И главное — готова ли она сама снова поверить в ту версию себя, которая умела не только выживать, но и вдохновлять?

— Ева, — сказала она тихо, все еще не до конца уверенная в своих словах. — Это очень лестно. Правда. Я... мне нужно подумать. Честно говоря, я не ожидала.

Она замолчала, разглядывая свое отражение в темном экране телефона, и вдруг поймала себя на мысли, что, возможно, именно сейчас — когда она так уязвима и так честна с собой — она и есть настоящая. Та, у которой действительно можно чему-то научиться.

Вечером Вика в одиночку билась с купанием и укладыва-

нием детей. Ее терпение таяло, пока она уговаривала капризную Софию надеть пижаму и отбивала третью за вечер атаку брата, требовавшего посмотреть еще одну серию любимого мультфильма. К тому времени, как она укрыла их одеялами, ее силы были на исходе, и за глазами пульсировала усталость.

Она только села есть разогретый ужин, как услышала знакомый щелчок входной двери. Вошел Марк, оглядываясь по сторонам и снимая пальто. Ужинать было уже поздно.

— Ты сегодня поздно, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал легко, помешивая еду. — Ты поел?

Он кивнул, избегая ее взгляда. — Да, я... поел с коллегами. Перекусили прямо в офисе, — добавил он поспешно, и голос его прозвучал неестественно. Он бросил ключи на тумбу.

Вика посмотрела на него: он стоял как на иголках, плечи напряжены. Видимо, день выдался тяжелым.

— Что ж, я рада, что ты дома, — с легкой улыбкой сказала она, решив пока не высказывать раздражения из-за того, что он не предупредил об ужине. Вместо этого она решила поделиться новостью, которую ждала весь день. — Вообще-то, нам нужно кое о чем поговорить.

При этих словах она увидела в его глазах неожиданную искру — возможно, напряжение, а может, и беспокойство. Он на мгновение опустил глаза, плечи его напряглись, словно он готовился к удару.

Он поднял взгляд, мельком встретился с ней глазами и

снова отвел его.
 — О чем?

— Мне предложили повышение, — сказала она, снова ощутив прилив возбуждения, когда произнесла это вслух. — Это прекрасная возможность — большой шаг вперед. Будет немного командировок, всего на одну ночь раз в две недели, но это огромный шанс. Я в восторге.

Марк вздохнул, и выражение его лица стало жестким.
 — Командировки? Серьезно? — пробормотал он, и по его лицу пробежала тень раздражения. — Тебе вообще необязательно работать. Это мне нужно сосредоточиться на карьере. Моя ответственность — обеспечивать стабильность в семье.

От его реакции сердце Вики упало, а воодушевление, которое она чувствовала, растворилось под тяжестью его пренебрежительного тона.
 — Дело не в деньгах, Марк. Речь идет о росте, о признании. Я так много для этого работала, — сказала она. В ее голосе уже слышались нотки раздражения.

Он пожал плечами, отмахиваясь от ее слов.
 — Дети еще совсем маленькие, Вик. Тебе не кажется, что они должны быть нашим приоритетом?

Вика от изумления моргнула.
 — Конечно, они приоритет! Но это не значит, что у меня не может быть карьеры. Всего одна ночь раз в две недели, Марк. По-моему, это не так уж и много.

Он вздохнул, неловко ерзая.
 — Вика, сейчас просто не время для этого. У нас и так все хорошо с деньгами. Ты можешь сосредоточиться на доме и детях.

Она глубоко вдохнула, чувствуя, как глаза наполняются слезами.
 — Я не бросаю детей — я просто хочу добиться того, ради чего работала.

Вику это одновременно и принизило, и разозлило. Она отвернулась и ушла на кухню, чтобы убрать тарелку. Раньше Марк был ее главной поддержкой. Она глубоко вдохнула, успокаиваясь, и повернулась к Марку, который уже стоял у стойки и смотрел на нее с нечитаемым выражением лица.

— Мне кажется, здесь есть проблема посерьезнее, — твердо, но спокойно сказала она, глядя ему прямо в глаза.

Он снова на мгновение опустил глаза, плечи его напряглись, словно он готовился к удару.

— В чем дело? — спросил он, стараясь говорить непринужденно, но в его позе сквозило неоспоримое напряжение, будто он боялся того, что она скажет.

Вика заметила это, и у нее в животе все сжалось. Она надеялась, что они смогут поговорить, не переходя в оборону.

Она сглотнула, отгоняя странное предчувствие.
 — Дело в нас, — медленно начала она, внимательно следя за его лицом в поисках реакции. — В том, как мы общаемся в последнее время. Иногда кажется, будто мы даже не вместе.

Он тихо выдохнул, и плечи его расслабились.
 — Вик, я много работаю для нашей семьи. Я же говорил: я делаю свою часть. А тебе, ясное дело, нравится тратить деньги, которые я приношу.

Слова его ударили ее с такой силой, что она аж вздрогну-

ла. Неужели он действительно считает, что ее роль — управляться с детьми, домом, работой — менее ценна, чем его зарплата? Она с недоверием моргнула: обида смешивалась с возмущением, когда она осознала, насколько глубоко он не понимает ее вклад.

— «Тратить деньги, которые ты приносишь»? — тихо, едва сохраняя самообладание, повторила она. — Ты правда так обо мне думаешь, Марк? Я делаю все, чтобы семья держалась на плаву, — все! И это включает в себя постоянный отказ от того, чего я хочу, без лишних раздумий. Я не знала, что должна оправдываться перед тобой.

Марк замялся, покосился на телефон, лежащий на столе, и нервно провел по экрану пальцем. На его лице проступили вина и беспокойство, которые он отчаянно пытался скрыть.

— Марк, может, случилось что-то еще? — голос ее невольно дрогнул. Он долго молчал, сжав челюсти, и по его лицу было видно, как он борется с собой. Наконец он отвел взгляд и прошептал так тихо, что она едва разобрала:
— Я просто... устал. На работе стресс. Я не хотел срываться на тебе.

Сердце Вики смягчилось. Марк редко делился с ней рабочими проблемами. Она протянула руку и положила ладонь ему на плечо.
— Марк, мы должны быть одним целым. Если ты в стрессе, если что-то не так, ты можешь мне рассказать, но мне тоже нужна твоя поддержка.

Он кивнул, все еще не встречая ее взгляда.
— Я толь-

ко о вас и забочусь, — буркнул он, не поднимая глаз.

Следующие несколько дней Марк возвращался домой вовремя, и Вика почувствовала, как с ее плеч уходит тяжесть, которую она даже не осознавала. Он был дома к ужину, помогал укладывать детей, а однажды даже присоединился к веселому хаосу в ванной, плескаясь с Софией и слушая, как Лев захлеб рассказывает ему о прошедшем дне.

Когда дети наконец уснули и в доме воцарилась редкая вечерняя тишина, Вика налила два бокала вина и присоединилась к Марку на диване. Она чувствовала привычную усталость, смешанную с чем-то более легким, почти беззаботным, с надеждой, которую она давно не испытывала.

Марк с улыбкой взял у нее бокал. — Спасибо, — сказал он, отпив и откинувшись на спинку. — Хорошо, что сегодня уложили их пораньше.

Она рассмеялась, кивая. — Это чудо. Новая одержимость Льва чисткой зубов — это и благословение, и проклятие одновременно.

Марк усмехнулся, качая головой. — Так и до стоматологического кресла недалеко.

Вика взглянула на него, перебирая край своего бокала. — Я хочу согласиться на повышение, — тихо сказала она, вглядываясь в его лицо. — Мне это нужно, Марк.

Марк медленно кивнул, хотя на лбу его залегла складка, а выражение стало сдержанным. — Значит, небольшие

командировки раз в две недели, — пробормотал он скорее для себя, чем для нее. — И подольше задерживаться на работе... ясно. — Он вздохнул, потирая подбородок. — Но знаешь, Вик, моя роль — обеспечивать тебя и детей. Я всегда так считал.

У Вики слегка сжался желудок, и она, сделав вдох, смотрела на него, не отрываясь.
 — Я знаю. И ты обеспечиваешь, Марк, ты всегда заботился о нашей стабильности. Но это... это не только про деньги. Речь о том, чтобы чувствовать себя частью чего-то, чтобы расти. Мне нужно сделать это для себя.

Он снова кивнул, на этот раз еще медленнее, и беспокойно пересел.
 — Ладно, — произнес он с нарочито ровной интонацией. — Тогда нам нужно решить, как мы будем делить обязанности, когда тебя не будет. Я, наверное, смогу подкорректировать график.

Вика почувствовала облегчение.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Я знаю, что будет по-другому, но я правда верю, что это пойдет на пользу всем нам.

Марк кивнул.
 — Мы справимся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вика взглянула на календарь и приятно удивилась, обнаружив, что остаток дня свободен от встреч. Это чувствовалось как маленькая роскошь, особенно с учетом того, что новая должность сделает такие незапланированные промежутки редкой удачей. Без особой цели она взяла телефон и написала Марку.

«Привет! Свободен на обед? Могу заехать за тобой :)»

Она подождала несколько минут в ожидании быстрого ответа. Но телефон молчал, и она, махнув рукой, решила поехать в любом случае. У входа ее поприветствовали несколько коллег Марка — люди, которых она видела пару раз на корпоративах. Она улыбнулась им и помахала, направляясь к его кабинету, но что-то было... не так. Она заметила, как пара сотрудников переглянулась — мельком, но заметно, — будто ее появление было неожиданным или даже неуместным.

«О, Вика!» — окликнула ее одна из коллег Марка — Милена, кажется, — и голос ее прозвучал чересчур бодро. «Не ожидала тебя здесь увидеть!»

Вика улыбнулась. — Да, я сама недавно решила. Хотела сделать Марку сюрприз, пригласить на обед, раз выдалось свободное время.

Глаза Милены слегка расширились, и ее улыбка на мгно-

вание дрогнула, прежде чем вернуться на место.
 — О! Эм-м... Ну, думаю, он, возможно... сейчас отсутствует.

— Отсутствует? — нахмурилась Вика, снова взглянув на телефон, на котором по-прежнему не было ответа.

Мимо проходил другой коллега, Тим. Он быстренько взглянул на Милену и вступил в разговор.
 — Да, кажется, он говорил, что у него сегодня обед с клиентом. Сами понимаете, эти встречи могут затянуться, — добавил Тим с нервным смешком.

У Вики все внутри похолодело, но она постаралась не показывать виду.
 — Правда? Он ничего не говорил про обед. Ладно, в другой раз тогда.

Когда она уже уходила, другой знакомый коллега, Данил, приблизился к ней с неуверенной улыбкой.
 — Привет, Вика. К Марку? — спросил он, оглядываясь, словно проверяя, не подслушивает ли кто.

— Да, — ответила она, и улыбка ее стала натянутой. — Хотела сделать сюрприз, пригласить на обед, но, видимо, он занят.

— Занят? А... ну, да, он, возможно, на выезде, вообще-то, — запинаясь, проговорил Данил, теребя телефон. — Ну, знаешь, в связи с новым проектом, все такое...

У Вики в голове все перепуталось. Выезд? Обед с клиентом? Она окинула взглядом помещение, заметив беспокойные взгляды нескольких коллег Марка. Словно никто точно не знал, что ей сказать, или, что хуже, — они пытались что-

то скрыть.

Она глубоко вздохнула, крепко сжимая телефон в руке. — Ясно. Спасибо, Данил. Я тогда... я тогда пойду.

Он ответил ей сочувствующей улыбкой, но во взгляде его читалось нечто похожее на жалость, прежде чем он развернулся и ушел. Вика вышла к своей машине, и сердце ее бешено колотилось. Внутри нарастал ком подозрения и страха.

Она снова взглянула на телефон, просто надеясь на какой-нибудь ответ. Но экран оставался темным, и эта тишина давила тяжелее, чем она могла предположить.

Чувство вины сковало ее изнутри. Она чувствовала себя ужасным человеком уже за то, что испытывала эти подозрения, что сомневалась в нем после стольких лет вместе. Вика взглянула на заставку телефона — солнечное фото их семьи на море: Марк с рукой вокруг нее, Лев, ухмыляющийся с ракушкой в руке, и София, заливающаяся смехом, а на заднем плане сверкают волны. С дрожащим дыханием она разблокировала телефон, открыла приложение и, на мгновение задержав палец, тапнула по экрану, чтобы открыть местоположение Марка.

Марк всегда был таким... правильным. Тем парнем, который не ленился помочь соседям расчистить снег зимой, тем отцом, который засиживался до полуночи, с заботой и тщанием собирая детские подарки. Он был ее человеком. *Он хороший человек, хороший отец*, думала Вика. *Я должна быть*

последним человеком, который станет в нем сомневаться.

Но когда она снова взглянула на телефон, на эту маленькую мигающую точку на карте, которая вела ее не на бизнес-ланч и не на выездной объект, а в отель, тревога вгрызалась глубже.

Я веду себя как дура, сказала она себе, выходя из машины у отеля и сжимая телефон в руке. Это же Марк. Он не идеален, но он хороший человек. Он любит меня. Он никогда...

Внутренний голос замолк, когда она шагнула в холл отеля, и ее сердце заколотилось в груди, как дикий барабан. Марк снял здесь номер, и администраторша без колебаний вручила ей ключ-карту, когда Вика показала свой паспорт. Конечно, они были совладельцами программы лояльности, с которой был забронирован номер. Она ехала в лифте в полной тишине, и каждый звук, отмечающий новый этаж, мрачно напоминал, что она вот-вот совершит нечто необратимое.

Подойдя к номеру 812, она почти остановилась, почти развернулась. «*Что я делаю?*» — в отчаянии подумала она. Она вспомнила его доброту, его терпение, его руку на ее спине, то, как он прижимал ее к себе. Она подумала о его смехе, наполнявшем их дом, о его усталой улыбке, когда он наклонялся над кроватями детей, о тех мгновениях, что они делили глубокой ночью.

Стыд затопил ее, горячий и густой, скручивая все внутри. *Все*, подумала она, и горькое осознание накрыло ее с головой. *Это дно моего самоуважения — подслушивать у дверей*

гостиничного номера.

Вика прижалась ухом к двери, затаив дыхание. Прохладная деревянная поверхность усиливала приглушенные звуки смеха и шепота изнутри.

Вика сжала кулаки. Она должна была увидеть это, узнать наверняка, даже если это разобьет ее вдребезги.

Сорви пластырь разом, сказала она себе, сглатывая ком в горле. Ее рука дрожала, когда она крепче сжала ручку двери, готовя себя к тому, что сейчас произойдет. Сделала глубокий, дрожащий вдох, провела ключ-картой и толкнула дверь.

То, что она увидела, было хуже любого кошмара. Каждая деталь — простыня, чужая рука на плече, его спина — врезалась в память, но сознание отказывалось это принимать. Взгляд Вики метнулся по сторонам, не желая воспринимать всю ужасающую картину целиком. Она заметила край белой простыни, спутанной у их ног, изгиб босой ступни на матрасе, отпечаток руки Марка на плече женщины, его пальцы лежали там с такой фамильярностью, что у Вики свело живот.

Ее взгляд упал на наполовину пустой стакан на тумбочке, на слабый след помады на его краю — красной помады, но не ее. Она зарегистрировала вспышку ювелирного изделия — изящную золотую цепочку, обвивавшую запястье женщины, сверкавшую при тусклом свете отеля. Рубашка Марка была накинута на спинку стула, ее воротник был небрежно помят так, как она никогда не видела, словно он не мог дождаться, чтобы ее снять.

Он входил в нее. Его тело двигалось в отвратительном ритме.
Его тяжелое дыхание было одновременно знакомым и чудовищным.

Она вцепилась в косяк, чтобы не упасть. Взгляд уперся в дурацкий цветочный ковер — такой яркий, нелепый, будто из другой жизни. Она чувствовала, будто парит вне собственного тела, наблюдая за всем со стороны, в то время как ее разум отвергал каждый обрывок сцены, даже когда она понимала, что уже никогда не сможет это забыть.

Во рту пересохло, в горле стоял ком, и когда она наконец попыталась заговорить, голос едва прорвался сквозь губы, слабый и дрожащий, словно шепот, застрявший в груди.

— Марк... — выдохнула она, ее голосок был так тих, что его поглотила атмосфера номера. Их движения не прекращались. Они продолжали, не замечая ее, будто она была невидимкой, будто ее мир не рушился прямо в этой комнате. Пульс рокотал у нее в ушах, заглушая все, кроме этого ужасного зрелища перед ней.

Она попробовала снова, и на этот раз слово вырвалось из ее губ громче, грубее, с надорванными краями.
— Марк!
Звук вышел надтреснутым и пустым, прозвучав в комнате со странной, неровной высотой, слишком громко, слишком обнаженно. Это была не злость — это было нечто сломанное, отчаянное и потерянное.

Они замерли, он резко поднял голову, их тела все еще были переплетены, когда они наконец осознали ее присутствие.

На мгновение ей показалось, что она вот-вот упадет в обморок. Комната поплыла, зрение помутнело по краям, но она не отводила взгляд от него, от человека, которого, как она думала, она знала, все еще находящегося внутри другой женщины, смотрящего на нее широко раскрытыми, ошеломленными глазами. У нее даже не было слов для той боли, что разрывала ее на части; она могла лишь стоять там, с ее голосом, все еще слабо звучащим в воздухе, тем одним надломленным словом — Марк.

Вика застыла в дверном проеме, пока Марк отшатнулся, и на лице его смешались шок и страх. Для нее эта картина была жестокой, неприкрытой — ее муж, голый, выставленный напоказ, в презервативе, стоящий перед ней как незнакомец, застигнутый за самым пошлым действием. Это зрелище выглядело непристойно и мерзко, она отдала бы все, чтобы стереть его из памяти.

Марк шагнул к ней, прижимая к бедрам смятый край простыни. Сознание Вики металось, пытаясь примирить образ перед ней с тем мужчиной, которого она, как ей казалось, знала. Марк, олицетворявший для нее безопасность, любовь, все стабильное и надежное в ее жизни, теперь стоял перед ней как в кошмаре — обнаженный, отчаявшийся, лишенный того достоинства, в которое она верила столько лет.

— Вика, — произнес он, и его голос прорезал тяжелую тишину. Его лицо исказилось, и заостривший страх придал

ему черту, которую она раньше не видела. Его голос был низким. — Что ты здесь делаешь?

Сердце ее колотилось в груди.
 — Я хотела пообедать, — бессмысленно выпалила она.

— Пообедать? — повторил он, и в тоне его прозвучало почти обвинение, будто это она совершила нечто неподобающее. Он сделал шаг к ней, прижимая простыню к поясу, и нахмурил брови. — Тебе не следовало сюда приходить. Тебе здесь делать нечего.

Губы Вики приоткрылись, но слов не последовало. Его ответ казался сюрреалистичным, вонзающим нож еще глубже. Ни извинений, ни даже объяснений — лишь злость. Человек, которому она доверяла свою жизнь, стоял сейчас перед ней, обвиняя ее, словно это она сделала что-то не так.

Первоначальный шок рассеивался, сменяясь нарастающей яростью, что сжимала ее грудь и затуманивала зрение.
 — Я твоя жена, Марк. Я должна быть там, где ты, а ты... тебя здесь быть не должно.

Он отвернулся, сжав зубы.
 — Ты ничего не понимаешь, Вика. Это... это не про нас.

— Неужели? — язвительно рассмеявшись, сказала она. — Так про что же тогда, Марк? Объясни мне. Помоги понять, что значит застать своего мужа голым, трахающим другую женщину. — На последнем слове ее голос надломился.

Марк провел рукой по волосам, его глаза бегали по сторонам, словно выискивая выход.
 — Это... сложно, —

пробормотал он, и голос его гудел от раздражения. — Я не могу быть для тебя идеальным. Идеальный брак, идеальная семья, идеальный я.

— Я не просила тебя быть идеальным, — ее голос был чуть слышен, но боль, висевшая между ними, была тяжелой и неумолимой.

Она отступила на шаг, ухватившись за косяк двери, чтобы устоять, и каждая мышца ее тела кричала, чтобы она ушла, бежала без оглядки так быстро, как только может.

Но вместо этого она заставила себя встретиться с ним взглядом, держась за последние крупички своей силы.
 — Мне нужно было настоящее, Марк. Не идеальное. Я думала, у нас было настоящее.

Вика вышла из отеля в оцепенении, и полуденное солнце ударило ей в лицо ослепительным светом. Она чувствовала себя пустой, словно скорлупкой от самой себя, ее сознание металось в обрывках, которые она не могла сложить воедино.

Телефон завибрировал в ее руке, сообщения вспыхивали на экране, напоминая о письмах и встречах, на которых она должна была быть.

Она остановилась на краю тротуара, уставившись на телефон, и ее пальцы затряслись, когда она набрала короткое сообщение начальнику.

«Я плохо себя чувствую. Сегодня меня не будет».

Ответ пришел мгновенно: вежливое «Выздоровливай»,

принесло ей небольшое облегчение. С этим единственным сообщением напряжение в груди слегка ослабло, позволив ей снова дышать.

Она просто шла, и ритм ее шагов по асфальту возвращал ее к реальности так, как не мог ее разум. Улицы проплывали мимо размытым пятном, и она свернула в ближайший парк, отыскав скамейку, спрятанную под большим дубом. Она тяжело опустилась на нее, уперлась локтями в колени и закрыла лицо ладонями, пытаясь осмыслить все, что только что произошло.

Мир вокруг жил своей жизнью, не ведая ни о чем, — шелест листьев на ветру, отдаленный гул машин. Это было почти абсурдно — наблюдать, как жизнь идет своим чередом, словно ничего не изменилось, в то время как ее собственная жизнь рассыпалась на тысячи острых осколков.

У нее не было ни ответов, ни плана, ни малейшего понятия, как она встретится с Марком, когда вернется домой. Все, что у нее было, — этот один вечер, это небольшое странство, чтобы дать боли улечься, чтобы оплакать жизнь, которую, как ей казалось, она знала.

Сидя там, Вика позволила слезам течь, больше не пытаясь держать себя в руках, больше не нуждаясь в том, чтобы притворяться сильной.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вике так и не удалось взять себя в руки по-настоящему, но у нее были обязанности. Ее дети ждали, и как бы разбита она ни была, она должна была быть для них рядом, притворяться, что все нормально.

Она промокнула глаза салфеткой, ее пальцы дрожали, и она взглянула на себя в зеркало заднего вида. Лицо было бледным, глаза покрасневшими и опухшими, но больше не было времени пытаться это исправить. Она сделала дрожащий вдох, заставляя себя принять нейтральное выражение лица, похоронить горе, пусть даже всего лишь на следующий час.

Подъехав к школе Левы, она несколько мгновений посидела в машине, сжимая руки на руле так крепко, что онемение стало чем-то, с чем она могла справиться. Когда он появился в дверях, и его лицо озарилось при виде нее, она натянула улыбку и слегка помахала ему рукой.

— Привет, родной, — позвала она, и голос прозвучал тверже, чем обычно.

— Привет, мам! — сказал он, забираясь в машину и с привычной легкостью пристегиваясь.
Она кивнула, с трудом сглотнув, и уставилась вперед, не в силах подолгу смотреть ему в глаза.

В детском саду она снова собралась с духом, сделав еще

один глубокий вдох, прежде чем выйти. София подбежала к ней с широкой радостной улыбкой, протягивая свои маленькие ручки. Вика подхватила ее, прижавшись лицом к мягким волосам дочери, вдыхая ее утешительный запах, и на мгновение боль в груди отступила.

— Привет, мамуля! — пропищала София, обвивая ее шею ладошками. Вика тихо вздохнула, прижимая Софию чуть крепче, — тепло ее детей было словно бальзам для ее израненной души.

— Привет, лапуля, — прошептала она, и голос едва не дрогнул.

Пристегивая Софию в автокресле, она взглянула в зеркало заднего вида на Льва, его лицо все еще сияло от возбуждения, пока он захлеб рассказывал о своих последних приключениях на перемене. Она поняла, что слушает его вполуха, улавливая лишь обрывки историй, но его голос был утешителен, он возвращал ее к реальности, вытягивая из водоворота горя и опустошенности, что наполнял ее день.

— Мам, а что на ужин? — с надеждой в голосе спросил он.
— Я подумала, может, возьмем что-нибудь вкусненькое, — сказала она, с усилием внося в голос бодрость.
— Как думаешь? Пиццу?

— Пиццу! — подхватила София, поднимая маленькие кулачки.
— Лев расплылся в улыбке.
— Да! Можно с сыром, чтобы много-много?
Вика рассмеялась, кивая.
— Конечно, с большим количеством сыра.

Голоса детей наполнили салон машины — и это простое, живое звучание стало глотком той нормальной жизни, по которой она истосковалась. Вика позволяла их болтовне окутывать себя, как теплым, привычным одеялом. Этого было достаточно, чтобы пережить поездку, чтобы дать ей хоть что-то, за что можно было держаться, даже пока ее сердце беззвучно разрывалось на части.

Вика разложила коробки с пищей на кухонном столе, и запах расплавленного сыра и пепперони ударил в нос — знакомый аромат, который обычно приносил чувство уюта.

Дети обрадовались, бросившись к столу. Вика попыталась выдавить улыбку, сделать что угодно, чтобы сохранить видимость, чтобы ни одна ниточка ее распадающейся души не выдала ее. Но ее лицо казалось замороженным, движения — механическими, словно она действовала на автопилоте.

Дверь щелкнула, и у Вики в животе все сжалось. Марк шагнул на кухню, бесшовно влившись в свою роль отца, его тон был теплым, привычным, словно ничего не произошло.
— Привет, ребята! — позвал он, его голос гладкий и бодрый, до приторности нормальный.

Как он мог вести себя так непринужденно, будто она не видела его несколько часов назад голым, трахающим другую женщину? Острая, крутящая боль распустилась в груди Вики, словно ее сердце разрывалось изнутри. Она сжала челюсти, не отводя глаз от Софии, протягивая салфетку, чтобы

вытереть руки дочери, всеми силами стараясь не дать ему увидеть, как она разваливается.

— Пап! У нас пицца! — лицо Льва озарилось, когда он поднял свой кусок, с соусом, размазанным по щеке.

— Здорово, дружок, — ответил Марк. У него хватило наглости вести себя так, будто все нормально, будто их семья не была только что разбита вдребезги.

Он плавно прошел мимо Вики, чтобы взять тарелку. Она почувствовала его присутствие рядом, его отработанные, расслабленные движения. Ей хотелось закричать, но она сдерживала это, ее лицо было маской спокойствия для детей.

Они собрались за столом, дети болтали и смеялись, не ведая о напряжении, сгущавшемся в воздухе. Вика заставляла себя кивать, тихо отвечать, пока ее разум прокручивал ужащающие детали прошедшего дня.

— Мам, можно еще? — полный надежды голос Льва вырвал ее из мыслей, вернув в настоящий момент. Она моргнула, кивая, и ее голос прозвучал отстраненно и пусто даже для нее самой. — Конечно, родной. Она потянулась за следующим куском, и ее руки казались чужими, будто принадлежали кому-то другому.

Она чувствовала, как Марк наблюдает за ней через стол, но не могла заставить себя взглянуть на него. Пока нет. Боль, сжавшаяся внутри, казалось, душила ее.

После ужина, когда дети умчались играть, Вика механически собрала тарелки, и каждое действие приземляло ее,

пока она стирала крошки со стола, цепляясь за рутину, за нормальность, что внезапно стала пустой оболочкой.

Руки Вики дрожали, пока она скребла столешницу, тряпка ходила туда-сюда по одному и тому же месту, пока поверхность не заблестела. Она почти не слышала голос Марка на заднем плане, низкий и ровный, поднимающий детей наверх, ко сну. Смех ее детей доносился из коридора, невинный, ничего не ведающий — каждый звук был горько-сладким напоминанием о жизни, за которую она изо всех сил пыталась держаться.

Она убиралась досконально. Вкладывая всю свою энергию в это отвлечение. Она не хотела с ним разбираться, не хотела нарушать молчание и сталкиваться с уродливой правдой, но груз всего невысказанного тянул ее. Она обернулась и увидела его, прислонившегося к стойке, скрестившего руки на груди, с темными, закрытыми глазами.

Они смотрели друг на друга долгий миг, воздух сгустился от всего, что она хотела сказать, и всего, что он, очевидно, слышать не желал.

Наконец, она выдохнула слова:
 — Как долго?
 Голос ее был тих, но боль в нем была неоспорима.

Марк фыркнул, качая головой, будто это она была неразумной.
 — Вика, это не важно. Многие мужчины так делают. Такое случается. Я же не делаю ничего такого, чего не делала бы половина знакомых нам парней.

Давление ее пустоты и горя было невыносимым. Оно медленно стирало ее в порошок, превращало в ничто. И с каждым днем оно выедало ее изнутри все больше, пока от нее не остались лишь осколки — хрупкие воспоминания о женщине, которой она была, и о жизни, которая казалась ей настоящей.

— Это важно, — настаивала она. Ее голос дрожал. Она сглотнула и повторила громче. — Это важно. Это важно для меня.

Он пожал плечами, его тон был развязным, пренебрежительным.
— Вика, ты раздуваешь из мухи слона... Такова жизнь.

Она чувствовала, как растворяется в жизни, сломавшей ее. Но на самом дне, среди пепла ее достоинства и растраченной любви, родилась новая ярость. Несокрушимая. Та, что не позволила ей рассыпаться окончательно. Она почувствовала, как сжимается грудь, ее ногти впились в ладони.
— Ты говоришь, что я должна просто смотреть в другую сторону, пока ты... ты предаешь все, что мы так долго строили вместе?

— Предаю? — он снова фыркнул, закатывая глаза. — Боже, Вика, ты слишком драматизируешь. Ничего не меняется. Я возвращаюсь домой к тебе, разве нет? И я здесь для детей. Что тебе еще нужно?

Слова достигли ее сквозь тупую боль — новый, точный удар. Она ухватилась за край стола, пытаясь вдохнуть сквозь

стену полного безразличия. Еще секунда — и Вика рассыпится. Человек перед ней казался незнакомцем, версией Марка, которую она никогда не знала — или, возможно, отказывалась видеть.
— Мне нужно уважение, Марк. Мне нужна честность. Я думала... я думала, это то, что у нас было.

Марк вздохнул, словно она изматывала его своим упорством.
— Слушай, я не ожидал, что ты узнаешь, особенно после той сцены, свидетелем которой ты стала сегодня, и это была моя ошибка, но не обязательно делать из этого конец света, ясно?

Ее рот приоткрылся, и тошнотворное, пустое чувство расплзлось по груди.
— Марк, ты изменил мне. Ты нагло врал, и теперь ты стоишь здесь и говоришь мне, что это я создаю проблему?

— Потому что это так, — резко парировал он, и в голосе зазвенела твердая нотка. — У нас хорошая жизнь, Вика. Семья, дом. И ты готова все это выбросить?

В Вике не осталось ничего, кроме взгляда, который она, как щит, выставила навстречу ему. Даже дыхание замерло, превратившись в ледяной ком в груди. И тогда, сквозь эту искусственную глыбу тишины, пробился горький, неверующий смешок.

— Выбросить? — повторила она, и голос ее дрожал от смеси смятения и неверия. — Марк, ты выбросил все это в тот момент, когда решил, что трахать других женщин важнее

нашего брака, важнее обещаний, что мы дали, важнее нашей семьи.

Он открыл рот, чтобы возразить, но она перебила его, слова лились ровно и решительно.

— Ты себя слышишь? Ты думаешь, это я что-то выбрасываю? Ты даже не дал мне выбора. Ты взял и разорвал все это в клочья сам — не подумав ни секунды, как это отразится на мне и на детях. Ты решил, что стоит рискнуть всем, что мы построили, потому что тебе... что? Скучно? Нужен был «перерыв» от собственной семьи?

Ее мысли кружились, уворачиваясь от одного тайного, ядовитого и неотступного вопроса: *а что, если он изменил, потому что я не так красива, как она?* Идея была такой сырой, такой мучительно интимной, что даже формирование этих слов в голове казалось предательством по отношению к самой себе.

Она не могла представить, чтобы произнести это вслух. И уж точно не этому человеку, за которого она вышла замуж.

Лицо Марка напряглось.
— Я отдал все, чтобы содержать нашу семью, чтобы обеспечивать тебя, детей, чтобы мы ни в чем не нуждались.

Она покачала головой, сглатывая комок, подступивший к горлу.
— Тебе даже не жаль. Ты не видишь, что ты сделал со мной, с нашей семьей.

Тишина между ними растянулась, густая и горькая, ее слова повисли в воздухе. Вика наконец осознала, что он не

собирается извиняться, не собирается пытаться все исправить. Он просто хотел ее покорности, ее молчания, чтобы поддерживать фасад, пока он делал что хотел.

Она смотрела на незнакомца.

Вика сидела одна в спальне. Дело было не только в измене, не только в секретах или во лжи. Дело было в осознании, что Марк на самом деле не считал, что это должно быть важно для нее.

Впервые Вика задумалась, нравилась ли она Марку вообще. Она точно знала, что он ее не уважает, но что, если все это время он смотрел на нее не с любовью или восхищением, а с раздражением со снисхождением, словно ее присутствие было грузом, который ему приходилось нести. Она видела это в том, как он отмахивался от ее боли, как принижал ее отчаяние, его слова источали презрение, будто это она создавала ему трудности.

И это было ее самым сокрушительным горем: осознание, что даже если она простит его, это будет означать оставаться замужем за человеком, который видит в ней нечто маленькое, жалкое, неудобное, кого-то, кем можно манипулировать, а не любить.

Неужели она делила свою жизнь с человеком, который не испытывал искренней радости от того, кем она была? Неужели он не чувствовал настоящей теплоты к женщине, которую когда-то клялся любить?

Вика вытерла слезы с лица. Она сделала глубокий, дрожащий вдох, прижав ладони к щекам, словно могла стереть следы своей боли.

Он предал не только ее тело и ее доверие; он предал ее дух, самую суть того, кем она была, и эта рана была глубже любой измены.

Предательство казалось бесконечным, раной, что шла дальше сердца, прорезая самую суть ее существа. Слезы текли из нее, словно вся боль и гнев, что она сдерживала, наконец вырвались на свободу.

Она прижалась лицом к подушке, заглушая звук своих рыданий, отчаянно пытаясь не дать детям услышать, почувствовать боль, что разрывала ее изнутри.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вика медленно открыла глаза. На одно драгоценное мгновение ее сознание было блаженно пустым, тело расслабленно покоилось на простынях, но потом ее накрыло — воспоминание, острое и неумолимое, обрушилось, словно ледяная волна.

Предательство. Предательство Марка.

Все разом нахлынуло, наполнив грудь знакомой болью, тошнотворным, сосущим чувством, поселившимся в ней с того самого дня. Живот свело, в горле встал ком, пока она лежала, и груз реальности тяжело опустился на нее, делая кровать слишком большой, слишком пустой, а тишину — слишком громкой.

Она снова закрыла глаза, словно это могло стереть память, отменить то, что она узнала. Но оно было здесь, незыблемое, как камень, — их прежняя жизнь расколота, и ничто не могло это отменить.

Марк не пришел прошлой ночью в спальню, а теперь она слышала, как он ходит вниз. Она прислушалась, затаив дыхание, пока входная дверь не открылась и не захлопнулась. Он просто ускользнул, вместо того чтобы встретиться с ней лицом к лицу.

Она подтянула одеяло до подбородка, свернувшись калачиком, и ощутила пустую боль, вспомнив те утра, когда про-

буждение рядом с ним было утешением, обещанием. Теперь у нее осталась лишь эта пустая кровать и напоминание обо всем, что она потеряла.

Дети скоро встанут, и ей нужен был план, способ уберечь их от грядущих потрясений. Боль от отсутствия Марка, от его предательства, застряла в груди комом.

Она села на кровати, чувствуя, как волна грусти превращается во что-то иное — в решимость. Она хотела хоть какого-то контроля над ситуацией, для себя и детей.

Сознание прояснилось, когда она потянулась за телефоном и пролистала до знакомого контакта лучшей подруги, Арины. Она на мгновение заколебалась, готова ли она произнести слова вслух, но затем тапнула по номеру и поднесла трубку к уху.

Раздалось два гудка, прежде чем Арина сняла трубку, ее голос был теплым и сонным.
— Привет, Вик. Как дела?

Вика вздохнула, сглатывая ком в горле.
— Арин... плохо. Мне нужно поговорить.

Тон Арины мгновенно переменялся, сонливость как рукой сняло.
— Конечно. Что случилось?

Вика взглянула на часы, прикидывая, сколько времени у нее есть, прежде чем дети ввалятся в комнату. Она заставила себя заговорить, ее голос был чуть громче шепота.
— Это Марк. Я узнала... Я узнала, что он мне изменяет.

На том конце провода повисла пауза, и она буквально почувствовала сквозь трубку шок Арины.
— Господи, Ви-

ка, — наконец выдохнула Арина, и в ее голосе смешались участие и гнев. — Какой ужас! Ты как?

Вика прижала ладонь ко лбу, закрывая глаза от наворачивающихся слез. — Не знаю. Мне кажется, я еще до конца не осознала. Он... он не пришел прошлой ночью в спальню. И, похоже, ушел на работу, не сказав ни слова. Словно ничего не изменилось.

Голос Арины стал мягче. — Вика, как тебе помочь? Хочешь, я приеду?

Это предложение согрело ее, и на мгновение груз на груди ослаб, утешенный преданностью подруги. — Возможно, да. Дети скоро встанут, и я не знаю, как я буду... То есть, я хочу уберечь их от этого, но я даже не знаю, с чего начать.

— Тебе не нужно делать это одно, — твердо сказала Арина. — Я буду через двадцать минут. Вместе во всем разберемся, ладно?

Вика кивнула, хотя Арина не могла ее видеть. — Спасибо. Не знаю, что бы я без тебя делала.

— Я с тобой, — ласково ответила Арина. — Что бы тебе ни понадобилось, мы через это пройдем. Обещаю!

Арина оказалась вихрем эффективности, управляясь с утренним хаосом с такой легкостью, что Вика чувствовала и благодарность, и восхищение. Она помогла Левушке надеть кроссовки, проверила, собран ли ланч-бокс, и выпроводила его за дверь с теплой улыбкой и объятиями, словно сегодня

был самый обычный день. Она взяла за руку Софию и, взяв машину Вики, отвезла ее в садик, перед уходом мягко сжав Вику за плечо — безмолвное обещание, что скоро вернется.

Вика сидела в тишине пустого дома, позволяя себе предаваться горю, ощутить острые грани своего разбитого сердца. Но она пообещала себе, что жалеть себя будет только до этого момента. Она — мать, и у нее есть работа.

На нервный срыв не было времени, ей не позволительно было развалиться на части. Она глубоко вздохнула, чувствуя, как грусть осела где-то глубоко, сдерживаемая ею. Вика собралась с духом, чтобы двигаться вперед, пусть хотя бы на чуть-чуть.

Рабочий день прошел как в тумане, ее обычная собранность сменилась оцепенением и отстраненной болью. Она сидела за столом, уставившись в таблицы, не имевшие смысла, печатая ответы на письма, которые едва помнила.

Ее мысли снова и снова возвращались к тому утру, к поддерживающему присутствию Арины, к неуверенности во взгляде Льва, когда он почувствовал ее хрупкое настроение, к сладкому, ничего не ведающему смеху Софии, когда та ковыляла за Ариной. Вика думала об отсутствии Марка.

Она не могла отделаться от подавляющей тяжести того, что ждало ее впереди, и впервые позволила себе подумать о том, что будет означать по-настоящему — окончательно уйти.

К обеду она поддалась импульсу, тянувшему ее с самого

рассвета. Она ввела в строку поиска «как подать на развод», ее пальцы слегка дрожали, словно нажатием «Enter» она переступала невидимую черту.

Информация развернулась перед ней: пошаговые руководства, списки необходимых документов, советы по оформлению опеки, финансовой подготовке, судебным издержкам. Каждая прочитанная статья, каждый просмотренный список приносили странную смесь страха и решимости, утверждая ее путь так, что было одновременно ужасающе и воодушевляюще.

К концу рабочего дня она, возможно, ничего и не сделала для службы, но приобрела нечто существенное: план. Она больше не просто горевала; она готовилась, начинала возвращать свою жизнь на своих условиях.

Вечером она ждала, когда Марк вернется домой, ее решение застыло, как камень. Дети были у ее матери, что давало им пространство и уединение, и она знала, что это единственный путь вперед. К тому времени, как он вошел в дверь, она была готова — ее взгляд был твердым, голос ровным, а собранная сумка стояла у входа, словно немое объявление обо всем, что она решила положить конец.

Марк вошел в дом, и его обычная небрежная улыбка исчезла, как только он увидел свой упакованный чемодан у двери. Он поднял взгляд на нее, ждущую в гостиной, и положил ключи, в его выражении лица мелькнула тень нереши-

тельности.

— Вика, — начал он, и в голосе прозвучала осторожность, — что-то случилось?

Она вздохнула, встречая его взгляд со спокойствием.

— Да, Марк. Случилось.

Он переступил с ноги на ногу, скрестив руки в защитной позе. — Это из-за вчерашнего? Я же сказал, что дам тебе время прийти в себя. Не говорю, что это легко, но...

Она резко прервала его, ее голос был ясным и твердым. — Я не собираюсь это «переживать». И не тебе решать это за меня. То, что от нас осталось... оно сломано, Марк. И я не могу больше оставаться в этом браке.

На мгновение он просто уставился на нее, и на его лице проступило неверие.

— Вика, включи мозги. У нас семья. Ты правда готова все это выбросить на помойку, потому что твои чувства задеты?

Слова ударили ее словно пощечина, этот пренебрежительный тон ранил глубже, чем она ожидала. Ее грудь начала сжиматься от гнева.

Вика сделала шаг ближе, ее голос стал тихим, но насыщенным яростью. — Мои чувства задеты? — прошипела она, и в глазах вспыхнули молнии. — Ты предал меня, Марк. Ты разрушил нашу семью в тот миг, когда решил, что тебе мало лишь меня. Не смей же сводить это к тому, что я «обижена». Это касается обетов, которые ты нарушил, и жизни, которую ты разорвал в клочья, не задумываясь.

Марк воздел руки, его тон был спокойным.
 — Вика, успокойся. Ты не в себе.

Волна ярости заставила ее руки задрожать. *Успокоиться?* Слова отдались эхом в сознании, раздувая огонь в груди. Она шагнула к нему, ее голос стал ледяным и дрожащим.
 — Успокоиться? Ты уничтожаешь все, что мы строили, и у тебя хватает наглости говорить мне успокоиться? Как ты смеешь? Ты не имеешь права стоять здесь и строить из себя голос разума.

Жар гнева придал ей сил, и следующие слова прозвучали четко и ровно.
 — Ты сделал свой выбор, Марк. А теперь я делаю свой. Я подаю на развод.

Он фыркнул, но в глазах мелькнула паника.
 — Развод? Брось, Вика, будь серьезнее.

— Я никогда не была так серьезна, — ответила она, и голос ее не дрогнул. — Я не буду жить так, притворяясь, что все нормально. Ты хочешь, чтобы я смотрела в другую сторону, чтобы я продолжала жить, будто ничего не изменилось? Нет, Марк, все изменилось.

Он шагнул ближе, и его выражение сменилось на злость.
 — И все? Ты просто уходишь?

Глаза Вики сузились, челюсть сжалась, она покачала головой, и голос ее зазвенел, как сталь.
 — Нет, — выдохнула она, и каждое слово было пропитано гневом. — Ты ушел в тот миг, когда решил, что тебе мало лишь меня. А я просто оформляю это документально.

Она сделала успокаивающий вдох, сдерживая дрожь в голосе.
— Я остаюсь здесь с детьми. Я поговорю с юристом, чтобы обеспечить их защиту, и да, ты сможешь их видеть, но для тебя здесь все кончено. Ты больше не имеешь права называть этот дом своим.

Его челюсть напряглась, затрепетала мышца, пока он пытался сдержать гнев.
— Хорошо, — прошипел он, и голос его стал низким и озлобленным. — Хочешь играть жертву — играй. Но ни на секунду не думай, что ты сама невиновна в произошедшем. Я не хочу, чтобы этот брак распался. Это тырываешь нас на части.

Вика почувствовала, как жар поднимается в груди, ее руки сжались в кулаки, а пульс застучал в висках, и каждый удар сердца подливал масла в огонь, от которого кожа покрылась мурашками, а дыхание стало частым и резким.

— Мне больше не важно, что ты думаешь, Марк. Я делаю это для себя и для детей. Они заслуживают мать, которая не предает себя ради поддержания образа счастливой семьи.

Перед сном Вика читала Левушке и Софии их любимые сказки, но ни тот, ни другая, казалось, не хотели успокаиваться. Лев то и дело поглядывал на дверь с задумчивым видом, словно ждал, что вот-вот войдет кто-то еще. София прижималась к ее руке, а ее маленькие пальчики рисовали узоры на рукаве.

— Мам? — наконец спросил Лев, его голосок был тихим

и неуверенным.

— Да, родной? — она старалась говорить ровно, готовясь к удару.

— А папа когда придет? — слова его были тихими, но легли на ее грудь тяжелым камнем.

Вика сглотнула, и сердце ее сжалось от боли. Она уже пыталась объяснить им обоим, что Марк какое-то время будет жить отдельно. Она пыталась дать им достаточно информации, чтобы успокоить, но не перегрузить.

— Папа... какое-то время не будет здесь жить, — напомнила она, стараясь, чтобы голос звучал легко. — Но он вас обоих очень любит и будет с вами видеться.

Лицо Льва омрачилось, он нахмурился, уставившись на свои руки.
— Но почему он не может остаться тут? — спросил он, и голос его задрожал.

Вика протянула руку, отстранила прядь волос с его лица, чувствуя, как боль скручивает ее изнутри.
— Иногда взрослым нужно разобраться кое с чем самим. Это не значит, что он любит вас меньше, — прошептала она.

София подняла на нее свои большие глаза, полные серьезности.
— Но я хочу, чтобы папа был тут, — пробормотала она, прижимаясь лицом к плечу Вики. — Я скучаю по нему.

— Знаю, лапуля, — сказала Вика, крепко обнимая ее, чувствуя маленькое сердечко Софии у своей груди. — Я тоже по нему скучаю.

Они сидели так некоторое время, Вика прижимала их к себе и гладила по волосам. Под пеленой горя в ней кипела ярость, сжимаясь в груди с каждым маленьким, доверчивым взглядом, который они ей бросали. Она хотела уберечь их от боли, вобрать ее всю в себя, чтобы им никогда не пришлось это чувствовать, но знала, что это невозможно. Марк оставил им эту боль, эту пустоту, и она горела от гнева при мысли, что он заставил их нести последствия его поступков.

В конце концов, она уложила их, шепча тихие слова утешения, пока их глаза не начали закрываться. Вика, глядя на их маленькие безмятежные лица, начала гадать, сможет ли она когда-нибудь заполнить пустоту, что оставил после себя Марк.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Марк лежал, запутавшись в простынях, пытаясь отдышаться. Его пульс все еще бешено стучал после кульминации. Физическое наслаждение, еще секунду назад всепоглощающее и яркое, уже таяло, ускользало сквозь пальцы, словно песок. Он закрыл глаза, позволяя себе задержаться в тепле момента, в удовлетворении, которое, как всегда, казалось, должно было быть достаточным, но стоило ему остаться лежать, уставившись в потолок, как знакомое чувство пустоты принялось подкрадываться вновь, оседая где-то глубоко в груди.

Он перевернулся на бок, натягивая простыню, ощущая, как тишина сгущается вокруг, густая и удушающая. Лежавшая рядом женщина что-то пробормотала низким мягким голосом, но он едва разобрал слов. Он даже не мог вспомнить ее имени. Внутри поднималась тошнотворная волна, непонятное напряжение, ощущение чего-то недостающего, от которого невозможно было избавиться. Он почувствовал, как в уголках глаз защекотали предательские слезы, и, сам не заметил, как, по его щеке скатилась слеза — горячая и неожиданная.

Он поспешно смахнул ее, сжавшееся горло мешало дышать, накатывали волны стыда и растерянности. Почему он так себя чувствовал? Он пришел сюда за разрядкой, за бег-

ством. Он убеждал себя, что мимолетного удовольствия достаточно — что это передышка от всего, что на него давило. Но теперь, в тишине, растекавшейся вокруг, он чувствовал себя более одиноким, чем когда-либо.

Женщина рядом с ним перевернулась, не ведая о его смятении, и Марк слегка отстранился, прикрывая лицо. Грудь сжалась, и новые слезы потекли по щекам. Он не понимал, откуда взялась эта внезапная, пронзительная печаль, что разрезала его надвое, но она была здесь — неумолимая и обнаженная. В тишине он осознал, что, как ни пытайся заполнить пустоту, она возвращается вновь и вновь, и на этот раз она казалась глубже, чем когда-либо.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Перевел тебе еще двадцать тысяч. Если нужно больше — скажи».

Вика почувствовала странную, пустую, ноющую боль, читая это сообщение, пока раздражение и смятение нарастали внутри. Она вздохнула и отложила телефон, но не прошло и минуты, как он снова завибрировал.

«Хватит? Может, перевести еще?»

Прошло всего пару дней, а Марк уже несколько раз писал ей о деньгах. Он дал понять, что она может пользоваться их общим счетом, а теперь начал переводить деньги напрямую с их накопительного счета на ее личный.

Она уложила детей спать, пытаясь отогнать это чувство, но вопросы не уходили, и с каждым его сообщением ей становилось все тревожнее. Телефон снова загорелся, на этот раз входящим звонком. Она глубоко вздохнула, собралась с духом и ответила.

— Привет, Марк, — сказала она, стараясь говорить спокойно.

— Вика, хорошо, что подняла трубку. — Его голос был деловитым, словно он сверялся со списком задач. — Хотел уточнить — перевод дошел? Я только что отправил еще. На всякий случай, если детям что-то понадобится.

Она помолчала, чувствуя, как возвращается раздражени-

е.
 — Да, Марк, я получила.

— Смотри, я просто хочу быть уверен, что у тебя все нормально, — настаивал он, и в голосе слышалась едва скрываемая тревога. — Не хочу, чтобы ты переживала о деньгах или считала копейки.

Вика стиснула зубы.
 — Марк, у нас все хорошо. Детям и мне... нам не нужны эти постоянные переводы.

— Вика, я не хочу, чтобы ты задумывалась, хватит ли на продукты или на школьные нужды. Я просто... поступаю правильно.

— Поступаешь правильно? — повторила она, и в голосе прозвучало раздражение. — Марк, деньгами это не исправить.

В трубке повисло молчание, затем он перешел к обороне.
 — Я делаю, что могу, Вика. Я поступаю ответственно.

Она чувствовала, как нарастает досада, ее пальцы сжали телефон.
 — Марк, ты ведешь себя так, будто это просто сделка. Ты звонишь в любое время, шлешь эти переводы, словно... словно мы ведем бизнес. Неужели ты правда думаешь, что это все, что мне нужно?

— Вика, не неси чепухи, — отрезал он, и в голосе слышалась досада. — Я пытаюсь помочь, а ты ведешь себя так, будто я делаю что-то дурное. Хватит уже быть такой... неблагодарной.

Вика от изумления приоткрыла рот, и в груди вспыхнул

гнев.
 — Мне не нужен твой банковский счет. Мне был нужен муж. Ты сейчас куда больше занят переводами и платежами, чем когда-либо был занят нами.

На том конце провода наступила пауза, и когда он заговорил опять, голос его стал почти неуверенным.
 — Ну... я думал, тебе важно знать, что денег хватает. Разве не это... разве не это сейчас главное?

Вика сжала телефон так крепко, что тот, казалось, вот-вот треснет. Неужели он и правда так думал? Что финансами можно загладить все, что он с ней сделал?

— Марк, ты так одержим деньгами, но складывается ощущение, будто мое сердце для тебя никогда не имело значения.

В трубке повисло ошеломленное молчание. Наконец он произнес, и голос его был приглушенным.
 — Вика... это несправедливо. Я... я просто пытаюсь взять на себя ответственность. Вести себя как мужчина, — сказал он, и голос его дрогнул.

Она уставилась на телефон, на мгновение ошеломленная его словами.
 — «Вести себя как мужчина»? — повторила она, и в голосе зазвучала насмешка. — В чем дело? Ты думаешь, что можешь все исправить, играя роль добытчика, закидывая меня деньгами, словно это может стереть все содеянное?

— Вика, разве не это я должен делать? — в его голосе слышалась защитная нота. — Взять на себя ответственность,

обеспечить тебя и детей?

Она усмехнулась.
 — Мужчина — это не просто банковский счет, Марк. Мужчина уважает и ценит свою жену.

— Ладно, — пробормотал он, явно раздраженный. — Значит, я ошибся...
 — Нет, Марк, — резко прервала она, и в голосе закипел гнев. — Ты не ошибся. Ты сделал выбор. И пока ты был занят этим выбором, я была здесь, в нашем браке, одна.

— Я думал, это то, чего ты хотела, — произнес он, и голос его стал чуть громче шепота. — Я думал... стабильность... Я думал, этого достаточно.

— Нет, — сказала она, и в голос ворвалась ярость. — Стабильность — это не про деньги, Марк. Это про доверие, про знание, что есть кто-то рядом с тобой, что человек не предаст, не заставит тебя разгребать последствия его поступков.

Между ними повисла густая тишина, груз невысказанного давил на нее, пока она ждала, сжимая телефон в руке.

Когда Марк не ответил, сквозь нее прорвалась вспышка гнева — горячая и неумолимая. Не сказав больше ни слова, она убрала телефон от уха и резко, окончательно положила трубку. Экран погас, когда она сделала дрожащий выдох, и ее решимость закалилась, как сталь.

Вика сидела на диване, вертя в руках кружку, в то время как ее сестра Катя наклонилась вперед, ее глаза пылали смесью шока и гнева.

— Он что? — прошептала Катя, ее голос был яростным шепотом.

Вика с трудом сглотнула, слова все еще отдавались горечью на языке.
 — Он изменял. — Голос ее надломился.

Лицо Кати потемнело, в глазах вспыхнула опасная искра. Она сжала Вику за колено, и голос ее стал напряженным от едва сдерживаемого гнева.
 — Вика, мне нужно, чтобы ты усвоила одну очень важную вещь, — серьезно сказала она. — Я готова убить его ради тебя. Без лишних вопросов. Или ты предпочтешь сделать это сама? Я займусь уликами и алиби. Только дай команду.

Несмотря ни на что, Вика коротко рассмеялась, и груз свалился с ее плеч, когда она взглянула на смертельно серьезное выражение лица Кати.
 — Ты правда помогла бы мне скрыть тело?

Катя откинулась на спинку дивана, скрестив руки с кивком, без тени сомнения.
 — Не задумываясь. У меня есть отбеливатель, мешки для мусора и продуманная история. Никто не смеет портить жизнь моей сестре и уходить от ответственности.

Вика рассмеялась, прикрывая рот, пока слезы наворачивались на глаза — на этот раз от облегчения. Ей стало как-то приятно на душе от одной мысли, что она не одна в этой борьбе, что кто-то еще разделяет ее гнев, несет вместе с ней эту боль и возмущение.

— Спасибо, Кать, — прошептала она, и голос ее стал мяг-

че. — Я не хочу его убивать — пока что — но приятно знать, что ты бы помогла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.